

ПЕТРОВ В. В.

ЯЗЫК И ЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: В ПОИСКАХ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

Одна из основных современных тенденций в изучении естественного языка — утрата «монополии» в его исследовании со стороны лингвистики, философии и логики. Прошедший в августе прошлого года в г. Москве VIII Международный конгресс логиков, методологов и философов науки наглядно подтвердил несомненный интерес к различным аспектам функционирования языка со стороны психологов, семиотиков, специалистов по искусственному интеллекту, теории культуры и истории науки.

И это не случайно. Можно выделить по крайней мере два существенных обстоятельства, стимулирующих эту тенденцию. Во-первых, в последние десять—пятнадцать лет произошел фундаментальный пересмотр традиционных исходных представлений о природе языка. Еще сравнительно недавно многими считалось вполне приемлемым рассматривать язык в качестве некой отчужденной от человека сущности, как если бы естественный язык не был частью нашей естественной истории. Согласно современным подходам, объектом исследований является язык как уникальная, подлинно человеческая способность, средство общения и отображения мира неотъемлемый компонент нашей естественной и социальной истории и прогресса когнитивных наук [1].

Такое расширение горизонтов анализа естественного языка не могло не пошатнуть отмеченной выше «монополии» в его изучении. Одновременно оно способствовало и установлению новой междисциплинарной системы «разделения труда» между исследователями языка, в которой лингвисты далеко уже не доминируют. В этой перспективе становится вполне понятной необходимость кооперации усилий лингвистов, семиотиков, логиков и других специалистов как при обсуждении собственно фундаментальных проблем природы языка, так и при решении прикладных задач.

Второе обстоятельство, повлиявшее на возрастание интереса к языку, — усиливающееся стремление понять, каким образом человек с его относительно ограниченными возможностями оказывается способным перерабатывать, трансформировать и преобразовывать огромные массивы знаний в крайне ограниченные промежутки времени. Отмеченные вопросы имеют не только чисто теоретический интерес — от успешности их решения во многом зависит прогресс в создании новейших вычислительных систем, эффективного программного обеспечения. Все это несомненно усиливает практическую значимость и актуальность исследований многих разделов теоретической и прикладной лингвистики.

И дело не только в более прагматичном климате восьмидесятых годов с характерной для него ориентацией на быстреее внедрение и практическую отдачу. Суть в том, что меняется сама стратегия научных исследований. Если раньше фундаментальные науки «поставляли» теоретические идеи, которые со временем воплощались в соответствующие технологии,

то сейчас очень часто происходит обратное — потребности развития той или иной технологии задают направление и масштаб теоретическим изысканиям. Применительно к лингвистике, как представляется, такой «базовой» технологией выступает развитие вычислительной техники, перспективных систем с искусственным интеллектом. При этом важно заметить, что если лингвистика окажется неподготовленной к новым условиям своего существования, то она рискует утратить приоритет в изучении многих актуальных проблем. А это, в свою очередь, может вызвать ослабление материальных, финансовых и др. стимулов ее развития.

Следует отметить, что в подобной ситуации оказалась не только лингвистика, но и, в частности, логика. Еще в 60-е годы наблюдался максимальный всплеск интереса к проблемам логической семантики, вызванный ее переориентацией на контексты, выходящие за рамки языков классических математических теорий. Почва естественного языка оказалась чрезвычайно богатой для построения нетрадиционных логических теорий — логики действий и событий, ситуационной и иллюкутивной логики, подстановочной семантики и т. д. Вместе с тем сейчас выявилось одно критически важное обстоятельство — их слабая связь с реальной практикой построения индивидом правильного естественно-языкового вывода.

Как отчетливо проявилось на Международном конгрессе в Москве, современная логическая семантика — область, где нет единой исходной и неproblemатичной «базы данных», собственно которую и призвана объяснять любая семантическая теория. Выбор исходных фактов, подлежащих систематизации в теории, определяется, исходя из общих взглядов исследователей на язык, их ориентаций и личных предпочтений. В результате в настоящее время имеется более десятка формальных семантик естественного языка, практически не соотносимых и слабо связанных друг с другом [2].

Плюрализм и несоизмеримость современных логико-семантических подходов стали четко осознаваться с начала 80-х годов. Именно в это время логики остро ощутили отсутствие базовой семантической модели — метатеории семантики, — которая обеспечила бы четкую формулировку условий адекватности конкретных семантических теорий. В предшествующий период такой проблемы не возникало, поскольку стандартная семантическая теория, канонизированная работами Куайна 50—60-х годов, располагала не только соответствующим формальным аппаратом, но и опиралась на так называемую холистскую модель языка. Особенность последней, по мысли Куайна, — в конституирующей роли логики относительно фундамента языка и феномена его усвоения. Поэтому отказ в 60—70-е годы от стандартной семантической теории, обусловленный ее ограниченными выразительными возможностями в отношении многих естественно-языковых контекстов, был не только отказом от ее формального аппарата, но и одновременно от общей модели языка.

Отсутствие более или менее приемлемой общей модели языка повлияло и на представления о роли и статусе логики вообще. По крайней мере, сейчас активно обсуждается следующая альтернатива: возможно ли в перспективе говорить о логике как строгой дедуктивной системе семантического обоснования логического вывода или она должна рассматриваться как эффективное, но вместе с тем лишь вспомогательное средство формализации. Поэтому логикам, так же как и лингвистам, далеко не безразличны те интенсивные исследования, которые ведутся в других дисциплинах, изучающих естественный язык.

В последние годы усилия многих исследователей в области лингвис-

тики, искусственного интеллекта, психологии и т. д. направлены на создание общей теории языка, которая оказалась бы адекватной для решения проблем в каждой из названных областей. Построение такой теории является основной задачей новой научной дисциплины — когнитивной науки, зарождающейся как бы на «стыке» этих наук. В ее основе — предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи — объяснения процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые, собственно, и определяют сущность человеческого разума.

Как мы сегодня хорошо понимаем, язык — это, действительно, лишь небольшая часть того целостного явления, которое мы стремимся познать. Именно поэтому чисто лингвистические теории языка, как, впрочем, и логические теории, оказываются ограниченными в контексте новых задач. Попытки создания таких теорий основаны на предположении, что языковые структуры функционируют в значительной степени автономно и могут быть «безболезненно» выделены из других аспектов деятельности человеческого разума. Однако ни анализ практики обработки языковых сообщений человеком, ни полученные теоретические результаты в смежных с лингвистикой дисциплинах не дают оснований для таких утверждений.

Принципиальную роль в становлении когнитивной парадигмы языка сыграло все более четкое понимание необходимости систематического учета контекстуальных, в том числе экстралингвистических, факторов использования языка. В наше время никакие исследования в области восприятия и построения текста не могут быть признаны удовлетворительными, если в их основу не будет положена идея взаимодействия лингвистических знаний со знаниями о мире, с социальным контекстом высказываний, умением извлекать хранящуюся в памяти информацию, а также планировать и управлять дискурсом и многое другое.

При этом ни один из типов знания не является более важным для процессов восприятия и построения, чем другие, ни одному из них не отдается явное предпочтение. Только изучение способов взаимодействия и организации всех типов знаний приближает нас к пониманию сути языковой коммуникации, способствует прояснению природы семантического вывода, осуществляемого в повседневной практике употребления языка.

Изучение природы и типов взаимодействия знаний, используемых в процессе языковой коммуникации, рассматривается как одно из ведущих направлений когнитивной науки. Не случайно также, что один из основных вопросов психологии — вопрос о детерминации поведения человека — получил в когнитивной психологии следующий ответ: поведение человека детерминировано его знаниями [3]. Решающая роль отводится знаниям и в системах искусственного интеллекта, где само понятие интеллекта нередко связывается со способностью использовать «необходимые знания в нужное время».

В настоящее время, несмотря на наличие весьма значительного числа работ в области когнитивных аспектов функционирования языка, парадигма исследований еще окончательно не сложилась. Тем не менее активно обсуждаются две центральные проблемы когнитивного подхода к языку: 1) структуры представления различных типов знания; 2) способы концептуальной организации знаний в процессах семантического вывода.

Вопросы состава базы знаний, используемых носителями языка, ис-

следованы в общем довольно полно. Не вызывает возражений и трактовка базы знаний как самоорганизующейся и саморегулирующей системы, подвижной и изменяющейся на основе новых данных. Гораздо большие трудности возникли в ходе поиска соответствующих структур представления знаний. Отличаются ли, например, структуры, предназначенные для представления прагматических знаний, от тех, которые применяются для представления семантических и синтаксических знаний? Иными словами, существует ли особый уровень прагматических представлений в ходе обработки текста? Какими представлениями оперирует человек на первых этапах обработки текста? Вот далеко не полный перечень возникающих вопросов.

Одним из важных результатов более чем десятилетнего развития когнитивной науки является идея неразрывной взаимосвязи процессов, происходящих в человеческой памяти, и процессов, определяющих производство и понимание языковых сообщений. Действительно, понимание некоторой новой ситуации сводится прежде всего к попытке найти в памяти знакомую ситуацию, наиболее сходную с новой. Мы можем обрабатывать новые данные не иначе как обратившись к памяти о ранее накопленном опыте. Этот поиск основывается на фундаментальном допущении, что структуры, применяемые для обработки новых данных, — это те же структуры, которые используются для организации памяти.

Одной из первых и, безусловно, наиболее простых структур для представления семантических данных высокого уровня явились сценарии [4]. Сценарий представляет собой набор объединенных временными и причинными связями понятий низшего уровня, описывающий упорядоченную во времени последовательность стереотипных событий. Примером описания некоторой разворачивающейся во времени ситуации с помощью сценария может служить представление последовательности событий, связанных с посещением врача. В лингвистике — в отличие от теории искусственного интеллекта — утвердилось не понятие «сценария», а понятие «фрейма» [5].

Структуры знаний, именуемые фреймами, схемами, сценариями, планами и т. п., представляют собой пакеты информации (храняемые в памяти или создаваемые в ней по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов), которые обеспечивают удовлетворительную когнитивную обработку стандартных ситуаций. Они играют существенную роль в функционировании естественного языка: с их помощью устанавливается связность текста на микро- и макроуровне, обеспечивается вывод необходимых умозаключений, на их основе объясняются, например, некоторые особенности выражения категории определенности/неопределенности в языках, где существуют артикли. Наконец, они поставляют «контекстные ожидания», позволяющие прогнозировать будущие события на основе ранее встречавшихся сходных по структуре событий. Возможность такого прогнозирования является неотделимой частью любой когнитивной теории языка.

Хорошим примером структуры, предназначенной для представления прагматических знаний, являются стратегии, детально описанные в известной книге Т. ван Дейка и В. Кинча «Стратегии понимания связного текста» [6]. Авторы уделяют особое внимание динамическим аспектам понимания связного текста, полагая — и в этом существенное отличие их подхода, — что процессы понимания имеют стратегическую природу.

Действие стратегий носит гипотетический и вероятностный характер — с их помощью производится быстрое, но эффективное прогнозирование

наиболее вероятной структуры или значения воспринимаемых языковых сообщений. Стратегии характеризуются также одновременным действием на нескольких уровнях, способностью использовать неполную информацию и комбинировать как индуктивные, так и дедуктивные способы обработки информации. Стратегии являются контекстно-чувствительными — они могут изменяться в зависимости от внимания, интересов, целей говорящего/слушающего, а также от характера социального контекста. Часть стратегий имеет собственно лингвистический характер. Это относится, например, к стратегиям, соотносящим поверхностные структуры текста с базисными семантическими репрезентациями. Другие стратегии являются по преимуществу когнитивными — решающее значение для их действия имеют знания о мире, ситуативные знания и другая когнитивная информация.

Надо сказать, что существует и противоположный подход к оценке проблемы представления знаний [7]. Его сторонники утверждают, что отнюдь не знания являются ключевым звеном в решении проблемы обработки естественного языка. Поскольку процессы владения языком осуществляются конкретными людьми, то решающее значение, с их точки зрения, имеют те характеристики, которые не подлежат стереотипизации и моделированию. Здесь имеется в виду прежде всего индивидуальный опыт, но не в форме совокупности знаний, а в форме практических навыков (эмоциональное состояние, скрытые мотивы, мировоззренческие ценности носителей языка и т. д.). Как бы сочувственно мы ни относились к этой точке зрения, все же бесспорным остается факт создания многочисленных работающих вычислительных систем, основанных на концепции представления знаний. Вместе с тем вполне обоснован следующий вопрос — в какой степени в общем ограниченные выразительные возможности современных вычислительных систем обусловлены принятием концепции представления различных типов знания?

Вообще говоря, проблемы представления знаний теснейшим образом связаны с вопросами их концептуальной организации в рамках более общей проблемы обработки естественного языка. Но если методы представления знаний интенсивно развивались в связи с работами в области искусственного интеллекта на протяжении последних двадцати лет, то вопросы организации знаний были поставлены только в последние годы. Первоначально это было сделано в теории искусственного интеллекта, а затем* и в лингвистике, ориентированной на когнитивные науки.

На наш взгляд, можно выделить несколько конструктивных идей, характерных* для исследований по концептуальной организации знаний в 80-е* годы. В частности, работы Р. Шенка и его последователей обосновали гипотезу интегральной обработки естественного языка. В соответствии с ней обработка языковых данных представляет собой единый процесс и происходит параллельно на всех уровнях — синтаксическом, семантическом и прагматическом [8], а результаты обработки, полученные на каком-либо из уровней, доступны для всех других уровней. В рамках данного подхода прагматические и семантические знания играют решающую роль уже на самых ранних стадиях процесса понимания текста. В конечном счете в основе гипотезы интегральной обработки естественного языка лежит более глобальная идея существования единого уровня представления знаний, на котором оказываются совместимыми языковая, сенсорная и моторная информация [9].

Достаточно очевидно, что в конкретных коммуникативных актах используется далеко не вся совокупность знаний и представлений, имею-

щаяся у ее участников. Поэтому необходимой становится разработка такого концептуального средства, которое ограничивало бы множество факторов, привлекаемых к интерпретации высказываний. В связи с этим в последние годы в литературе активно обсуждаются понятия «фокуса» и «релевантности». В частности, в одной из последних работ на эту тему детально анализируется понятие динамического контекста как ограниченного множества параметров данной коммуникативной ситуации [10].

Одним из наиболее перспективных направлений в настоящее время, в котором сочетаются проблемы представления и организации знаний, является процедурная семантика. Представление знаний о динамическом контексте дается здесь не в форме набора правил, а в виде процедуры. Такой подход особенно предпочтителен для формулирования экспертных систем, являющихся по своей природе процедурными.

Указанные выше проблемы, конечно, далеко не исчерпывают всего спектра тем, которые разрабатываются в рамках когнитивного подхода к языку. Они скорее свидетельствуют об интенсивности исследований, ведущихся в этом направлении, а также о существенной трансформации лингвистической проблематики в связи с вхождением лингвистики в комплекс когнитивных наук, изучающих организацию человеческого знания.

Идея о важности экстралингвистического контекста употребления языка нашла свое воплощение и посредством такого его расширения, когда в понятие контекста включается когнитивное состояние носителей языка. Действительно, языковые выражения указывают не сами по себе — акт референции всегда осуществляется конкретными людьми. И, следовательно, если мы хотим идентифицировать их референциальные намерения, нам необходимо знание не только непосредственного контекста употребления, но и многого другого. В данном случае имеется в виду, что употребление языка осуществляется людьми с различным познавательным и жизненным опытом, на сугубо отличном друг от друга «мотивационном фоне», в котором находят свое отражение индивидуальные намерения и цели, потребности и нормы, знания и убеждения и т. д. Естественно, что в действительности ни о каком когнитивном единообразии не может быть и речи.

И с этой точки зрения объяснение механизма построения семантического вывода в реальной практике посредством концепции организации знания не является полностью корректным. Фреймы, сценарии, планы как структуры высшего уровня представления знаний действительно оказывают существенную помощь в интерпретации языка, в снятии неоднозначностей и выборе правильного значения, связывании воедино воспринимаемого текста. Но при этом концепция «фреймов» ничего не говорит о том, что реально происходит в сознании людей, оперирующих фреймами, не проясняет, каким образом связаны когнитивные способности носителей языка и их умение делать правильные выводы.

Возможность такого объяснения — следующий важный этап в развитии когнитивных подходов к языку, который в настоящее время еще находится в стадии постановки, но не решения. Мы можем только предположить, что понятия когнитивного состояния носителей языка, контекста (включая микро- и макроструктуру текста, социально-культурные характеристики контекста и т. д.), акта употребления (включающего стратегии планирования и управления дискурсом и т. д.) связаны между собой и, более того, совместно «работают» для объяснения общего феномена пони-

мания и порождения языковых выражений. Но как это происходит в рамках единой модели, пока не совсем ясно. Несомненно только, что многие операции со «знанием» выполняются, так сказать, «автоматически».

Осознание необходимости дальнейшего расширения горизонтов исследований языка ведет к тесному соприкосновению лингвистики и философии сознания. В предшествующий период — 60—70-е годы — в зарубежной философии преобладала та точка зрения, в соответствии с которой природу языка можно уяснить, изучая все, кроме сознания индивида, сферы ментального. Сейчас этот запрет снят. Возможно, что решающим обстоятельством такой переориентации явились не чисто научные, а практические соображения. Дело в том, что трудности с машинным переводом естественного языка, переход от баз данных к базам знаний, проблемы создания естественного языкового «входа» в компьютер потребовали изменений и в подходах к изучению языка. Неудовлетворительными с практической точки зрения были признаны не только бихевиористская теория языка, но и более поздние модели, учитывающие аспекты употребления. Сейчас общепринятым становится подход, при котором считается, что успешное моделирование языка возможно только в более широком контексте моделирования сознания. И именно этим объясняется несомненный философский интерес к проблемам, возникшим на стыке когнитивной психологии, теории искусственного интеллекта, представления и обработки знаний. Эти проблемы активно обсуждались не только в рамках секции «Философия и основания лингвистики» прошедшего Международного конгресса, но и на секциях «Общей методологии науки», «Философской логики» и др. Они стояли и в центре советско-американской дискуссии по актуальным проблемам теории познания, которая проходила в Институте философии АН СССР в октябре прошлого года. Свидетельством чрезвычайной практической значимости этих проблем является и то, по словам американских коллег, что философы, ориентированные на когнитивную проблематику, находятся в США в более приоритетном положении, нежели те, которые тяготеют к традиционной тематике.

Появление многочисленных работ по когнитивным аспектам языка оказало сильное влияние не только на философию языка, но и логику. Это проявилось прежде всего в возникновении нового вида «субъективных» семантик — интенциональной, критериальной, семантики концептуальных ролей, процедурной семантики и т. д. В отличие от бессубъективных семантик типа теоретико-модельных или теоретико-игровых «субъективные» семантики рассматривают язык не как абстрактную структуру, а как эффективное средство коммуникации [11]. Однако в настоящий момент предложенные варианты семантик существуют лишь в форме теоретических предпосылок и некоторых технических фрагментов, но не как строгие дедуктивные системы. И есть большие основания сомневаться в принципиальной возможности их представления в строго логической, канонизированной форме [12].

Появление в 70—80-е годы «субъективных» семантик означает прежде всего стремление выявить и учесть воздействие когнитивных способностей индивидов на их восприятие и интерпретацию языка. При этом одна часть этих исследований ведется в рамках создания компьютерных моделей дискурса, а другая представляет собой современный, выдержанный в строгих традициях аналитической философии анализ феноменологии человеческого восприятия и коммуникации. Именно осознанием значимости ментального фактора для раскрытия человеческой способности коммуникации с другими субъектами можно объяснить принципиально

новое явление, наблюдаемое в современной западной логике, методологии и философии науки, — глубокий и устойчивый интерес к феноменологическим концепциям восприятия мира.

В центре многочисленных современных работ по философии сознания находится принципиальное еще для феноменологического подхода со времен Гуссерля понятие интенционального состояния. Так, Дж. Серль — автор фундаментального исследования «Интенциональность» [13] — выделяет такие человеческие интенциональные состояния, как ощущения, убеждения, желания и намерения, хотя в принципе число примитивных интенциональных состояний может быть большим. С точки зрения Серля, наша способность соотносить себя с миром с помощью интенциональных состояний более фундаментальна, чем появление языка. Так, животные, не имеющие языка и не способные осуществлять речевые акты, тем не менее обладают интенциональными состояниями. Язык же появляется как особая форма развития более примитивных форм интенциональности.

По Серлю, способ, каким язык представляет мир, является расширением и реализацией способа, посредством которого сознание представляет мир. Следовательно, возможности и ограничения языка задаются возможностями и ограничениями интенциональности как конституирующей характеристики сознания. Все это приводит Серля к весьма важному выводу: ограниченному числу базисных интенциональных состояний должно соответствовать и вполне ограниченное число лингвистических актов. Исключительно важно, по Серлю, и то, что существа, способные иметь интенциональные состояния, автоматически способны связывать их с объектами и состояниями дел в реальности, т. е. способны по сути, отличать удовлетворение от неудовлетворения этого состояния. Но все же как долигвистические формы интенциональности связаны с интенциональностью языка? Каким образом осуществляется переход от интенциональных состояний к лингвистическим актам? Первый шаг в этом направлении — выбор явно распознаваемого средства выражения интенционального состояния. «Существо, — пишет Серль, — которое способно делать это намеренно, т. е. существо, которое не только выражает свои интенциональные состояния, но и выполняет акты для того, чтобы другие узнали его интенциональные состояния, уже имеет примитивную форму речевого акта» [13, с. 178]. Однако это еще не конкретные акты типа заявления, просьбы, обещания и т. д.

Следующее условие — наша способность к выполнению лингвистических актов для достижения экстралингвистических целей. Человек, утверждает Серль, который делает заявление, делает больше, чем просто демонстрирует свою веру во что-то, — он передает конкретную информацию. Человек, который дает обещание, делает больше, чем доводит до сведения окружающих, что он намерен что-то выполнить, — он создает стабильные ожидания у других относительно своего будущего поведения. Таким образом, выполнение лингвистических актов (а их Серль, как известно, выделяет пять — утверждения, директивы, обязательства, декларации, экспрессивы) гарантируется тогда, когда они направлены на реализацию конкретных социальных целей.

Взятые по отдельности, эти тезисы не вызывают больших возражений. Но в совокупности они, на наш взгляд, дают ошибочную картину того, как язык действительно связан с сознанием. Следуя Серлю, интенциональные состояния спонтанно, имманентно продуцируют сами из себя лингвистические акты, язык в целом. Но материалистические традиции

и данные современной психологии убедительно говорят о необходимости более широкого представления связи «языка и сознания» — в рамках человеческой деятельности, обязательно включающей материальную практику.

С другой стороны, вызывает возражение и основной тезис Серля о параллелях и явной связи типов речевых актов и соответствующих типов интенциональных состояний. Хотя автор и утверждает, что язык есть особая форма развития интенциональности, все же создается впечатление, что сами интенциональные состояния выделяются и анализируются Серлем сквозь призму ранее предложенных им пяти типов иллокутивных актов. На наш взгляд, предложенная Серлем типология речевых актов, которая сама по себе проблематична, явно предопределяет типологию интенциональных состояний. Но, несмотря на эти принципиальные замечания, работа Серля все же вызывает несомненный интерес как свидетельство явной переориентации традиционных тем философии языка.

Столь пристальное внимание к интенциональности связано с тем, что Серль, как и многие специалисты в области когнитивных наук [14, 15], считает ее одной из основных характеристик человеческого разума. Отсюда делается вывод принципиальной важности: современные методы компьютерного моделирования не в состоянии охватить удовлетворительным образом интенциональные аспекты деятельности человеческого разума. Следовательно, все попытки создания «творческого» компьютера, способного к целенаправлению, предвидению и планированию, обречены на неудачу. Этот пессимистический вывод Серля находит в общем-то большую поддержку у противников искусственного интеллекта и компьютеризации вообще. Он также опирается и на то, что в рамках наиболее распространенной сейчас на Западе репрезентативной теории сознания, рассматривающей сознание как систему ментальных состояний, личностный, субъективный компонент может быть выражен только через интенциональность. На наш взгляд, вывод Серля является ошибочным, т. к. неправомерно ограничивает подлинную сущность человека, сводя ее только к познавательным возможностям. Как свидетельствует история, понятие человека чаще всего ассоциируется с такими его уникальными качествами, как моральное самоопределение, чувство прекрасного и т. д. Поэтому нет серьезных оснований утверждать, что интенциональные характеристики в принципе не могут быть смоделированы компьютером.

Тезис, согласно которому интенциональность не является уникальной человеческой характеристикой, также имеет своих сторонников. Так, Д. Деннет, опираясь на конкретные результаты биологов, говорит о производном характере интенциональности, появившейся на вполне определенном этапе человеческой эволюции [16]. По его мнению, нет принципиальных различий между интенциональностью, которая присуща человеку и биологическим объектам, способным к переработке информации.

Не входя в дальнейшее обсуждение этой сложной и тонкой проблемы, констатируем общую возможность расширения перспектив исследований естественного языка, включающих сегодня уже не только лингвистику, психологию, философию и логику, но и когнитивную науку во всем многообразии ее методов и приложений.

1. *Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
2. *Сааринен Э.* О метатеории и методологии семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. М., 1986.
3. *Герасимов В. И.* К становлению «когнитивной грамматики» // Современные зарубежные грамматические теории: Сб. научно-аналитических обзоров. М., 1986.
4. *Scank R., Abelson R.* Scripts, plans, goals and understanding. N. Y., 1977.
5. *Баранов А. Н.* Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике: Научно-аналитический обзор. М., 1987.
6. *Dijk T. A., Kintsch W.* Strategies of discourse comprehension. N. Y., 1983.
7. Artificial intelligence: The case against / Ed. by Börn R. L., 1987.
8. *Schank R., Birnbaum L.* Memory, meaning and syntax // Talking minds: The study of language in cognitive science. Cambridge, 1984.
9. *Jackendoff R.* Semantics and cognition. Cambridge, 1983.
10. *Sperber D., Wilson D.* Relevance. New Jersey, 1986.
11. *Павилёнис Р. И., Петров В. В.* Язык как объект логико-методологического анализа: новые тенденции и перспективы // ВФ. 1987. № 7.
12. *Петров В. В., Переверзев В. Н.* Пропозициональные структуры языка // ИЯН. 1987. Вып. 2. № 11.
13. *Searle J.* Intentionality. Cambridge. 1983.
14. *Dretske F.* Knowledge and the flow of information. Cambridge, 1984.
15. *Fodor J.* Psychosemantics. Cambridge, 1987.
16. *Dennett D.* The intentional stance. N. Y., 1987